

DOI: 10.31857/S0130386425030025

© 2025 г. М.А. ФЕЛЬДМАН

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА СССР В 1930–1936 годах: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Аннотация. Статья посвящена выявлению степени изученности эволюции подходов к формированию и осуществлению социально-экономического курса СССР в 1930–1936 гг. Традиционный в советскую эпоху тезис о высоком уровне научности разработки и реализации пятилетних планов отраслевого и регионального развития подвергся критике в последние три десятилетия. В результате трудно определить источник и динамику изменений в управлении индустриальным проектом; невозможно получить ответ на вопрос, каким же образом управленческий корпус СССР смог реализовать индустриальный проект первых предвоенных пятилеток, создав оборонно-промышленный потенциал, способный противостоять нацистской Германии и ее союзникам? Проведенный анализ позволяет оценить роль Всесоюзных совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг.; степень воздействия их решений на разработку и принятие социально-экономических программ. Отмечено, что благодаря работе совещаний в экономическую теорию были внесены положения, которые стали основой будущих реформ, а государственная программа обязательного технического обучения рабочих, стартовавшая в 1936 г., обрела отчетливые очертания в предвоенные годы. Дана характеристика процесса взаимодействия представителей партийно-государственной элиты и директорского корпуса. На основе изучения комплекса опубликованных и архивных документов можно судить о степени поддержки советским руководством рационального экономического курса в указанный период. Анализ материалов пленумов ЦК ВКП(б), участия руководителей СССР во Всесоюзных совещаниях хозяйственников (1930–1935) свидетельствует о способности представителей партийно-государственной и хозяйственной элит СССР отказаться от наиболее одиозных постулатов радикального курса «великого перелома».

Ключевые слова: СССР, экономическая политика, пятилетние планы, стахановское движение, индустриализация, государственное управление, социально-экономические реформы, историография.

М.А. Feldman

The Evolution of Approaches to Socio-Economic Policy in the USSR, 1930–1936: Historical and Historiographical Perspectives

Mikhail Feldman, Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Abstract. This article examines the evolution of approaches to the development and implementation of socio-economic policy in the USSR during the period 1930–1936, offering a critical reassessment of the traditional Soviet-era thesis that emphasised the scientific planning and successful execution of the five-year plans, along with sectoral and regional development. Over the past three decades, this thesis has been subject to significant critique, which complicates the understanding of the origins and dynamics of changes in the management of the Soviet industrial project. A key question remains: how did the USSR's managerial corps manage to execute the industrialisation objectives of the first pre-war five-year plans, thus creating a military-industrial capacity capable of resisting Nazi Germany and its allies? The article addresses this question through an exploration of the role played by the All-Union Meetings of business executives between 1931 and 1936, highlighting how their decisions influenced the development and implementation of socio-economic programmes. It is argued that these meetings introduced key provisions into Soviet economic theory, which became the foundation for future reforms, including the State Programme for the Compulsory Technical Training of Workers, initiated in 1936. Additionally, the article explores the interaction between the party-state elite and the directorate, emphasising the degree of support from Soviet leadership for a more rational economic course during this period. Drawing on both published and archival sources, it concludes that the materials from party forums (1930–1935) reveal the capacity of Soviet elites to move away from the most extreme elements of the radical course of the Great Turning Point.

Keywords: USSR, economic policy, five-year plans, Stakhanov movement, industrialisation, public administration, socio-economic reform, historiography.

Спустя 90 лет со столь значимого для советского общества периода второй пятилетки (1933–1937) очевидна ограниченность внимания историков к событиям этого времени, что далеко не случайно.

Во-первых, степень мифологизации советской истории достигает апогея в опубликованном в 1939 г. официальном документе – «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР»¹.

Тезис, что «в СССР уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма – социализм», в сочетании с утверждением «о победоносном выполнении второго пятилетнего плана»², стал основополагающим в партийных документах до конца 1980-х годов, прочно вошел в учебную литературу. Не вызывал у историков сомнения и вывод, что «победа социализма в СССР обеспечила невиданное раньше нигде внутреннее моральное и политическое единство народа, морально-политическое единство трудящихся под знаменем и руководством коммунистической партии и Советской власти»³.

Во-вторых, если начало 1930-х годов ознаменовалось рядом рациональных решений Пленумов ЦК ВКП(б), Всесоюзных совещаний хозяйственников, Постановлений ЦК и СНК СССР, способствовавших становлению относительно сбалансированного экономического

¹ Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 12.

курса 1933–1936 гг.⁴, то 1937 г. принес репрессии против ряда руководителей крупных промышленных предприятий, тогда же прекращается выпуск широкого круга статистических ежегодников, издаваемых ранее союзными и республиканскими наркоматами и ведомствами, региональными структурами. Сложность доступа к релевантной статистике в последнем году второй пятилетки привела к тому,⁵ что историки предпочитали в качестве конечного рубежа использовать данные за 1936 г.

Для изучения состояния современной историографии систематизируем ряд важных вопросов, посвященных эволюции представлений советского руководства о путях модернизации в годы второй пятилетки и практических действиях по достижению целей и задач индустриального проекта. Стало ли время между двумя Пленумами ЦК ВКП(б) – от январского (1933), давшего критическую оценку итогам первой пятилетки, до декабрьского (1935), продемонстрировавшего различные подходы к стахановскому движению, – периодом переоценки критериев успешности экономического развития? Какие факторы позволили добиться изменений в подходах к модернизации, которые явственно прозвучали на январском (1933) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)?

Декабрь 1930 г. (судя по докладной записке Г.К. Орджоникидзе⁶, представленной в политбюро за неделю до Пленума ЦК ВКП(б), зафиксировавшей омертвление 4 млрд руб. в строительстве) принес понимание невозможности продолжения прежнего курса. Содержание записки Орджоникидзе довел до сведения участников Пленума ЦК и ЦКК. Это время стало рубежом завершения первого этапа сталинской революции («великого перелома»)⁷, 1931–1932 гг. принесли корректировку социально-экономического курса, а в январе 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин выдвинул политическое обоснование новой линии⁸.

Британский историк Р. Дэвис смену не обеспеченных ресурсами форсированных индустриализации и коллективизации относительно умеренным социально-экономическим курсом («мини-реформами») датировал временем проведения Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (30 января – 4 февраля 1931 г.)⁹. Текст монографии Дэвиса позволяет распространить его тонкое наблюдение о «двусмысленности и неопределенности, преобладавших в руководстве страны в начале 1932 г.»¹⁰, и на 1931–1932 гг. О.В. Хлевнюк, как и Дэвис, рассматривал взаимосвязанные события 1931–1932 гг. как начало «мини-реформ», отразивших сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него, оговорившись, что «сталинский прагматизм всегда имел характер кризисного прагматизма»¹¹.

По мнению американского историка Р. Такера, инициатором перемен стал сам Сталин, выступивший за новый, более рациональный экономический курс, на основе получивших широкую известность «шести условий т. Сталина»¹². Основными выразителями нового курса, считает Хлевнюк, являлись Г.К. Орджоникидзе и И.В. Сталин, а также ряд хозяйственников, выступавших на июньском совещании 1931 г.¹³ Аналогичную точку зрения разделяет Дэвис, вновь отметив «неоднозначность и противоречивость последних

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996. С. 156.

⁵ См., например: Вдовин А.И., Дробизhev В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976. С. 106, 119, 131, 134.

⁶ Записка Орджоникидзе от 9 декабря 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 145. Л. 43–52.

⁷ О концепции и содержании «великого перелома» см.: «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М., 2020.

⁸ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016. С. 179.

⁹ Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996. P. 11.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 117–118.

¹² Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941. М., 2012. С. 140–141.

¹³ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 116–117.

тенденций в экономической политике»¹⁴, а также автор обстоятельного труда о правлении Сталина А.К. Сорокин¹⁵.

В исторической науке бывают случаи, когда отсутствие публикации источника на долгое время затрудняет понимание хода исторических событий. Из пяти всесоюзных совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг. материалы лишь одного – 22–23 июня 1931 г. – остались неопубликованными, и ознакомиться с ними можно только в архиве¹⁶. Более того, о работе совещания, проходившего в ЦК ВКП(б), не сообщали ни главная газета страны – печатный орган ВКП(б) «Правда», ни кто-либо другой.

Секретный характер этого совещания объяснялся просто: надежды советского руководства на кардинальное улучшение экономической ситуации в стране в первом полугодии 1931 г. не оправдались. В то же время стремительно росла задолженность за уже поставленное импортное оборудование в силу невозможности пополнения валютных ресурсов¹⁷. Бедственный характер ситуации в экономике на совещании признали председатель СНК СССР В.М. Молотов и заместитель председателя СНК СССР, председатель Госплана В.В. Куйбышев, призвавшие хозяйственников к откровенному разговору¹⁸.

Завеса многолетней секретности над материалами совещания объяснялась тем, что представленная в выступлениях управленцев на совещании картина состояния советской экономики разрушала пропагандистские клише о ходе первой пятилетки¹⁹. Совокупность отдельных фрагментов выступлений – критика «штурмовых, ударных» методов хозяйствования; указание на широкомасштабный характер выпуска в СССР, начиная с осени 1929 г., бракованной промышленной продукции; признание гигантских размеров текучести рабочих кадров, порожденной тяжелыми материально-бытовыми условиями жизни; резко негативная оценка официальной статистики и ставки на количественные показатели; осуждение гонений на специалистов и т.п. – формировала весьма своеобразный облик социалистической экономики. Не менее важно и то, что материалы совещания подтверждали правоту доводов хозяйственников, правоту курса на соблюдение рациональных принципов регулирования экономики. В определенной степени это было возвращение к опыту нэпа, к опыту наработок первоначальных вариантов первого пятилетнего плана.

В выступлении секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева²⁰ прозвучал необычный вывод: «заинтересованности рабочего в результатах своего труда нет». И, как подчеркивалось, это не локальное, а повсеместное явление. В устах секретаря ЦК ВКП(б), ответственного за пропаганду и агитацию, фактически это означало девальвацию официальной громкой шумихи вокруг движения ударных бригад.

Заключительное слово на совещании было предоставлено Сталину²¹. Два дня он выслушивал сообщения хозяйственников и партийных работников: кризисные явления шли по нарастающей; недовольство присутствующих на совещании временами вырывалось в довольно негативные сентенции. Показательным можно считать выступление управляющего трестом «Востокстали» Я.П. Иванченко: положение с недопоставками металла, его низким качеством прочно вошло в разряд наиболее обсуждаемых в управленческом корпусе в первом полугодии 1931 г.²² Иванченко указал на целый ряд факторов, приведших к такому результату. Коллапс транспорта обусловил срывы поставок руды и угля, иного

¹⁴ Davies R.W. Op. cit. P. 65, 67.

¹⁵ Сорокин А.К. Сталин. История одного правления, 1917–1953: в 2-х т. Кн. 1. Мы наш, мы новый мир построим. 1917–1939. М., 2023. С. 535–536.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 7, 8.

¹⁷ Внешняя задолженность СССР в 1931 г. в 1,5 раза превысила стоимость советского экспорта, см.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 118.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 7. Л. 2–7, 8–33.

¹⁹ Там же. Л. 34–40, 45–58, 68–80, 81–90, 102–111, 157–168, 177–189; Д. 8. Л. 10–32, 38–56, 73–92, 140–153.

²⁰ Там же. Д. 7. Л. 93–103.

²¹ Там же. Л. 172–204.

²² Там же. Л. 102–111.

сырья. Были сорваны и поставки импортного оборудования на стройки металлургических заводов. Итоги первого полугодия 1931 г. не оставляли сомнений: повторить маневр начала февраля 1931 г. – принять резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, предусматривающие рациональные перемены, и продолжать прежний курс – уже не получится. Обобщив сказанное хозяйственниками на совещании, Сталин в тезисном порядке от своего имени представил их аудиторией.

Фактически это означало, что определенная часть требований хозяйственников в критической для власти ситуации была услышана и была положена в основу экономического курса. В отличие от Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на совещании не были приняты итоговые резолюции, и тезисы выступления Сталина (получившие известность как «шесть условий т. Сталина»), вскоре вышедшие отдельной брошюрой²³, превратились в директивный документ политического характера.

В монографиях О.В. Хлевнюка²⁴, А.А. Илюхова²⁵, Р. Дэвиса²⁶ показана решимость власти осуществить меры, намеченные на совещании. Выделим перестройку системы оплаты труда рабочих, предполагавшую активизацию материальных стимулов и отказ от уравнительных форм заработной платы в пользу сдельщины. 10 июля 1931 г. политбюро одобрило два постановления, которые существенно меняли положение специалистов и в какой-то мере ограничивали права карательных органов: ОГПУ лишалось права на аресты специалистов (инженерно-технический персонал, военные, агрономы, врачи и т.п.) без согласия соответствующего наркома (союзного или республиканского).

Сталина нельзя назвать инициатором нового, более рационального экономического курса, но его поддержка мероприятий такого курса ознаменовала начало реальных изменений экономической политики. Достигнутое на совещании определенное совпадение взглядов представителей политической и хозяйственной элит позволяло выйти из кризиса экономике СССР. В этом главное значение событий, происходивших в ЦК 22–23 июня 1931 г.

Как представляется, именно со дня работы совещания – 22–23 июня 1931 г. – следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «мини-реформ», тогда как итоги Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности являлись только предпосылками к этому.

Переосмысление сталинских определений и оценок началось в конце 1980-х годов, однако на подлинно научный уровень вышло уже в постсоветскую эпоху. В книге «История Советского государства. 1900–1991 гг.» Н. Верт обращал внимание на методику манипулирования с количественными показателями: подводя на пленуме итоги первого пятилетнего плана, Сталин оперировал цифрами первоначального его варианта, принятого в апреле – мае 1929 г. (т.е. варианта «правых», осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не принятого под его (генсека) давлением варианта 1930 г.²⁷

Монография Дэвиса указывает на методику искажения реальных данных в докладе Сталина: «первый пункт повестки дня пленума ЦК партии, проходившего с 7 по 12 января 1933 г., был *смело* (выделено мною. – М.Ф.) озаглавлен “итоги первой пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год – первый год второй пятилетки”²⁸. «Смелость», отмеченная Дэвисом, заключалась, видимо, в том, что итоги 1932 г., а с ними и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали больших сроков. Показательно,

²³ Шесть исторических условий т. Сталина. М., 1932.

²⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 88.

²⁵ Илюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 224, 228, 229.

²⁶ Davies R.W. Op. cit. S. 77–103.

²⁷ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 200.

²⁸ Davies R.W. Op. cit. P. 317.

что в монографии 2023 г. А.К. Сорокин отмечает, что первый пятилетний план был выполнен менее чем на 60%²⁹.

В какой степени прозрение пагубности прежнего экономического курса пришло к активным участникам пленума, включая Сталина? Насколько глубоки были перемены в сознании представителей правящей элиты в январе 1933 г.? Какие политические и идеологические векторы отбрасывали назад советских управленцев в период стабилизации советской экономики?

Даже по далеко не полной информации – выступлениям члена Президиума ВСНХ СССР Г.И. Ломова и наркома легкой промышленности И.В. Любимова – видно, что руководители, отвечавшие за конкретные отрасли экономики, не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность. Вместе с тем, как видно из публикации выступлений Ломова, Любимова и Орджоникидзе в газете «Правда»³⁰, даже уже произнесенное слово подвергалось редактированию и в печатном виде представало лишенным критических оценок. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реальную информацию.

Доклад Сталина на пленуме³¹ демонстрировал, что генсек готов к реализации курса «мини-реформ»: заявление об отсутствии необходимости «подхлестывать и подгонять страну», по обоснованному суждению Хлевнюка, означало «отказ, тихое и официально непризнанное отрицание (в ряде пунктов даже осуждение) курса первой пятилетки»³². В годы второй пятилетки, по мнению Сталина, на первый план выходило освоение техники старых или обновленных заводов и фабрик, что требовало повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала. Но примечательна была и оговорка генсека: «Особенно в первые два-три года второй пятилетки». Это означало, что на стабилизацию положения в экономике (в том числе за счет отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг.

Период 1933–1934 гг. в советской историографии рассматривался как время поиска новых подходов к дальнейшей модернизации экономики. Из документов четвертого тома «Истории социалистической экономики СССР» видно, что в процессе работы над планом второй пятилетки было составлено два его варианта. Первый был рассмотрен на XVII партийной конференции ВКП(б) (январь – февраль 1932 г.), второй, значительно отличавшийся от первого, был представлен XVII съезду ВКП(б) в январе – феврале 1934 г. и принят съездом с отдельными поправками³³.

При этом авторский коллектив тома отмечал «значительные трудности» в определении общих темпов развития народного хозяйства. В самом деле, если в первом варианте плана, рассмотренном на XVII партконференции, предусматривалось, что среднегодовой темп прироста промышленной продукции на 1933–1937 гг. должен был быть не менее 20%, т.е. выше, чем в первой пятилетке (19,2%), то в варианте январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б) говорилось о существенно более низком среднегодовом приросте промышленной продукции – 13–14%.

В 1990-е годы исследователи обратили внимание на то, что отрезвление после кризиса в 1930–1931 гг. сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата³⁴. Решения январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б), официально осудившего принципы форсированного развития, в большей степени позволяли руководителям наркоматов и ведомств считаться с социально-экономическими

²⁹ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 537.

³⁰ Правда. 22.1.1933.

³¹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933. М., 1933.

³² Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 177.

³³ История социалистической экономики СССР. Т. 4. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1978. С. 10.

³⁴ Девис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 4. С. 92–108.

реальностями и чаще предлагать решения, противоречащие политике «большого скачка». Исследователи указывают на особенности принятия высшим советским руководством зачастую спонтанных и хаотичных, противоположных решений между январем 1933 г. и февралем 1934 г., отмечая, что «дискуссия о темпах роста продолжалась и на самом XVII съезде», а окончательное решение было принято в последний момент уже в ходе работы съезда³⁵.

Спонтанность принятия решений, например о бюджетных расходах, имела и субъективную основу. В немалой степени постоянная изменчивость планов всех уровней была тесно связана с переменами в запросах Наркомата обороны. Монография О.Н. Кена убедительно раскрывает этапы представления и обсуждения мобилизационных вариантов в годы второй пятилетки: от носящих чисто фантазмагорический характер³⁶ до более реалистичных. Об этом, в частности, говорит та легкость, с которой в декабре 1933 г. предложения по мобилизационному развертыванию были сокращены в пять–восемь раз (!)³⁷.

Тем не менее едва ли не главной сутью второго пятилетнего плана стало поистине выстраданное в 1931–1933 гг. понимание руководством СССР необходимости сбалансированности социально-экономического развития. В советской историографии неизменно подчеркивался плановый характер развития страны: второй пятилетний план предполагал установление взаимозависимости и связи между отдельными отраслями, районами и экономикой страны в целом, а также внутри конкретной отрасли и района. При этом отраслевые программы и планы развития экономических районов становились составной частью стратегии второй пятилетки³⁸.

В постсоветский период внимание исследователей было акцентировано на выявление роли отдельных субъектов, принимавших управленческие решения. Так, например, подчеркивается, что руководство Госплана на протяжении второй пятилетки последовательно отстаивало сбалансированность экономической политики; выступало за ограничение капиталовложений, опираясь в ряде случаев на поддержку представителей советского руководства, включая Сталина³⁹.

В первые десятилетия XXI в. исследователи уточнили понятие «плановая экономика». П. Грегори на основе изучения архивных материалов Госплана сделал вывод, что в начале 1930-х годов наркоматы могли запрашивать производственные ресурсы, не предоставляя запросы Госплану⁴⁰.

По утверждению А.В. Маркевича, в 1930-е годы общие наркоматовские планы не только официально не утверждались, но и в процессе выполнения постоянно корректировались. Отсутствие официально утвержденных планов облегчало внесение в них коррективов. Новые варианты планов в большинстве случаев также не утверждались официально. Отсутствие утвержденных общих наркоматовских планов только облегчало достижение поставленных целей⁴¹. Как видно, внешняя парадоксальность вывода Маркевича о стремительной переменчивости утверждаемых и неутверждаемых планов хорошо вписывается в определение «управляемая экономика» и достаточно далека от категории «плановая».

Декабрьский (1935) Пленум ЦК ВКП(б) относится к тем событиям, упоминание о которых было обязательным в исторической литературе советского времени. Типичное сообщение – «в декабре 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) обсудил первые итоги стахановского движения и наметил программу дальнейшего развертывания движения. Была поставлена

³⁵ Davies R., Khlevniuk O., Wheatcroft S. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014. P. 12.

³⁶ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). СПб., 2002. С. 239–240.

³⁷ Там же. С. 260–261.

³⁸ История социалистической экономики СССР. Т. 4. С. 9.

³⁹ Девис Р., Хлевнюк О.В. Указ. соч.

⁴⁰ Грегори П. Политическая экономика социализма. 2-е изд. М., 2008. С. 179.

⁴¹ Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 39–42.

задача шире развернуть техническое обучение рабочих»⁴² – оставляло вне поля исследования как раз конкретику пяти дней работы пленума.

Показательна оценка Н. Верта: сама работа пленума упоминается только в связи с докладом председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова об итогах проверки партийных билетов в тонко подмеченном автором формате укрепления позиций Сталина и его ближайших сторонников⁴³.

Структура постановочных вопросов на декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) была близка к повестке январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б), подводившего итоги первой пятилетки: формально – по сочетанию итогов социально-экономического развития СССР и определенного формата «партийной чистки». Неформально – по стремлению Сталина удержать обсуждение важнейших проблем в рамках соблюдения верности «генеральной линии» партии, безусловной поддержки сталинских положений, выводов и оценок.

Доклад члена политбюро ЦК, наркома тяжелой промышленности (с января 1932 г.) Г.К. Орджоникидзе на первом (вечернем) заседании 21 декабря «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением»⁴⁴ должен был задать тон выступлениям.

Систематизируем выступления в прениях по четырем основным темам: оценка роли Сталина, в том числе в развертывании стахановского движения; оценки стахановского движения; оценки перемен в труде, связанных с использованием стахановских методов работы; характеристика проблем, вытекающих из развертывания стахановского движения.

Анализ всех 23 выступлений демонстрирует обязательность подчеркивания верности курса партии во главе со Сталиным. Практически все участники пленума, характеризуя роль Сталина, использовали такие слова, как «великий», «гениальный», «мудрый», «вождь партии». В ходе обсуждения докладов прослеживается близость и типичность определений роли Сталина в развертывании стахановского движения. Такое семантическое сходство позволяет предполагать предварительную работу с текстами выступлений и последующую редакторскую обработку.

Во всех выступлениях прослеживалось согласие, вслед за Сталиным, считать стахановское движение уникальным средством решения проблем индустриализации. Как следствие, эйфория, охватившая функционеров – участников пленума, подталкивала всех выступавших на необоснованные обещания руководству ВКП(б) и лично Сталину выполнения и перевыполнения планов и программ второй пятилетки. За счет стахановского движения участники пленума гарантировали взлет количественных и качественных показателей производства промышленной продукции в стране.

Практически каждый выступавший в прениях счел своим долгом объяснить сущность стахановских методов труда. Анализируя заявленные изменения в организации труда, приходим к выводу, что речь шла об устранении бесхозяйственности, наведении элементарного порядка на рабочих местах; простейшей рационализации производственных процессов (освобождение квалифицированных рабочих от подсобных работ); внедрении хозрасчетных основ в систему оплаты труда.

Все выступавшие в прениях как дисциплинированные коммунисты и члены, и кандидаты в члены ЦК ВКП(б) оказались причастными к созданию и распространению мифа о стахановских методах труда. В то же время как управленцы, связанные с реальной действительностью, они невольно стали разрушителями этого же мифа в ходе работы пленума. Если сообщения о рекордах отдельных стахановцев у всех выступающих были насыщены показателями «невиданных достижений» на отдельных рабочих местах, то общая картина положения в промышленности вырисовывалась совсем иная.

⁴² Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 229.

⁴³ Верт Н. Указ. соч. С. 211, 213.

⁴⁴ Пленум ЦК ВКП(б) 21–25 декабря 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 3–12.

Общим для выступающих стал тезис, что стахановское движение находится на начальной стадии своего развития⁴⁵. Наиболее отчетливо эту мысль выразил первый секретарь ЦК КП(б) Украины С.В. Косиор: на большинстве предприятий стахановское движение только-только в начале своего развития. Нельзя судить по достижениям отдельных стахановцев на отдельных шахтах и заводах о состоянии стахановского движения даже на этих передовых предприятиях⁴⁶. Этот тезис явно противоречил сталинскому утверждению: «Стахановское движение проникло в толщу рабочего класса».

Замечание Косиора – «есть много предприятий, где имеются иногда даже прекрасных 5–10 стахановцев, но это стахановцы только для показу», – было мгновенно поддержано репликой Орджоникидзе – «для сводки»⁴⁷. Таким образом, на четвертом заседании пленума утром 23 декабря 1935 г. два члена политбюро ЦК ВКП(б) охарактеризовали те черты стахановского движения, о которых знали все присутствующие, но не решались их назвать – формальность и искусственное происхождение.

Однако наибольшее разочарование Сталина ожидало при подведении итогов первых месяцев стахановского движения. Характеризуя положение дел в угольной отрасли (судя по отчетам, наиболее охваченной стахановским движением), заместитель председателя СНК СССР М.Л. Рухимович подчеркнул, что стахановское движение не привело к циклической работе ни в Донбассе, ни в Кузбассе. При наличии ряда рекордов передовиков, заметил Рухимович, производительность труда на одного работника в Донбассе составила в декабре 1935 г. 23,7 т в год, по стране в целом – 25,5 т, а в Рурском бассейне – 32,9 т в год (или на 39% / 29% больше). Если в Донбассе 303 тыс. горняков вырабатывали 81 млн т в год, то в Руре 196 тыс. – 77 млн т в год⁴⁸.

Знаменитый сталинский тезис – «жить стало лучше, жить стало веселее» – был весьма сдержанно воспринят участниками Пленума, он явно противоречил словам первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б) Украины М.М. Хатаевича: «За последние 2–3 месяца, в период особого разворота стахановского движения мы испытываем особо острое бестоварье предметов широкого потребления»⁴⁹.

Таким образом, участники выступлений в прениях по докладам были едины в признании верности курса партии во главе со Сталиным. Вместе с тем, по признанию большинства выступавших в прениях, стахановское движение носило в промышленности и на транспорте локальный характер; не привело к скачку роста культурно-технического уровня рабочих; не улучшило положение дел в промышленности. Основные выводы в докладах наркомов и в выступлениях в прениях оказались близки и были сфокусированы на совершенствовании оплаты труда и обязательности последовательного технического обучения рабочих.

В резолюции пленума по разделу «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением»⁵⁰ определение стахановского движения вполне укладывалось в рамки теории организации производства.

Отражая мнение большинства выступивших на пленуме, в резолюции говорилось о необходимости развития стахановского движения на основе научного знания и технического опыта, накопленных в промышленности. Приоритетными в резолюции назывались задачи в области технической учебы рабочих: предусматривалось в ближайшие три-четыре года обязательное обучение всех рабочих тяжелой промышленности на курсах по изучению технического минимума. Намечался пересмотр содержания программы технического минимума «в соответствии с возможностями и новыми задачами» отрасли. Последующей стадией технической учебы рабочих должны были стать стахановские курсы и школы. Наконец, «для выдающихся рабочих, рабочих-стахановцев» планировалось «организовать

⁴⁵ Там же. С. 40–41, 6–61, 63, 72–75, 163–167.

⁴⁶ Там же. С. 75.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 72.

⁴⁹ Там же. С. 68.

⁵⁰ Там же. С. 88–90.

специальные курсы мастеров социалистического труда, принимая на эти курсы стахановцев, дающих высокую производительность труда». На методическое обеспечение системы технической учебы рабочих был нацелен план пересмотра содержания учебников и пособий, справочников по основным рабочим специальностям.

Судя по тексту резолюции, голос приглашенных на пленум представителей директорского корпуса был услышан и их мнение было учтено в основных формулировках резолюции. Об этом же говорит и наличие в комиссии по выработке текста резолюции ряда директоров крупнейших предприятий (Д.А. Брускин, Г.А. Гвахария, Я.С. Гугель, С.Н. Леготин, И.Г. Макаров, И.А. Манаенков, К.М. Отс и др.).

Декабрьский (1935) Пленум ЦК ВКП(б) стал заметной вехой в советской истории. Рационалистическая тенденция развития СССР нашла выражение и в резолюциях пленума, и в принятой на их основе в январе 1936 г. подготовленной промышленными наркоматами Программы обязательного технического образования рабочих⁵¹. Развитие стахановского движения должно было идти на основе внедрения прогрессивной сдельщины для всех рабочих, а не отдельных «героев труда». Мнение представителей директорского корпуса нашло отражение в резолюциях пленума, что создавало предпосылки для стабильного роста экономики, повышения роли человеческого фактора.

Однако ход работы и резолюции пленума расходились с оценками и надеждами Сталина на потенциал и перспективы развития стахановского движения, «подготавливавшего условия для перехода от социализма к коммунизму», гарантирующего более высокую производительность труда, чем в развитых капиталистических странах⁵². Резолюция пленума по «Итогам проверки партийных документов»⁵³ запускала новый формат чистки партийных рядов. Вероятность столкновения двух тенденций усиливалась.

Показанная выше эволюция подходов участников партийных форумов к разработке и реализации социально-экономического курса в первой половине 1930-х годов заставляет не согласиться с утверждением британских историков Э. Модсли и С. Уайта, что причиной «беспрецедентной по своим масштабам и жестокости» замены партийно-государственных кадров в 1937–1938 гг. стала управленческая несостоятельность «цекистов» 1930-х годов⁵⁴. Анализ материалов партийных форумов 1930–1935 гг. свидетельствует о поддержке «цекистами» рационального курса регулирования экономики; говорит о вынужденном, скрытом, но тем не менее фактическом признании Сталиным допущенных по его инициативе волонтаристских ошибок. В этот период власть вождя не только формально зависела от партийных институтов. Проблема ответственности за провалы в экономике стала опасной для удержания власти Сталиным. Никакая массивная пропаганда «триумфа» первой пятилетки не могла вытравить в сознании хозяйственников и региональных лидеров ощущения несоответствия реальности и мифологии.

Заметим, что и в советский период, и сегодня внимание историков обращено прежде всего к изучению работы партийных форумов (съездов, партийных конференций, пленумов). С результатами их работы не без оснований связывают выработку стратегического курса партии и государства. В самом деле, окончательное утверждение второго пятилетнего плана произошло на XVII съезде ВКП(б). Однако анализ работы партийных форумов показывает: здесь доминировали критические замечания, но не конструктивные инициативы.

⁵¹ Новая система массовой технической учебы рабочих. М., 1936.

⁵² Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. М., 1936. С. 364, 365.

⁵³ Пленум ЦК ВКП(б) 21–25 декабря 1935. С. 90–92.

⁵⁴ Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011. С. 68, 140.

Конкретные же экономические предложения и инициативы выдвигались на совещаниях хозяйственников⁵⁵.

Наш анализ всесоюзных совещаний хозяйственников указанного периода⁵⁶ позволяет сделать ряд выводов.

На протяжении более чем пяти лет (январь 1931 г. – июнь 1936 г.) видоизменялся формат всесоюзных совещаний хозяйственников: Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (30 января – 5 февраля 1931 г.); Всесоюзное совещание хозяйственников 22–23 июня 1931 г.; Совещание хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения в ЦК ВКП(б) (22–23 июня 1931 г.); Совещание хозяйственников, инженеров, техников, партийных и профсоюзных работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.); Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности Союза ССР. Первый пленум (10–12 мая 1935 г.); Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум (25–29 июня 1936 г.). Во всех случаях – это были форумы ведущих представителей хозяйственной элиты СССР.

Сменился состав их участников. Собрания управленцев в 1931–1934 гг. (700–800 человек), работавших в советской индустрии (директоров крупнейших предприятий индустрии, технических директоров, начальников главков и секторов НКТП, руководящих работников трестов, начальников цехов; представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий), в 1935–1936 гг. заменили на совещания более узкого круга (порядка 100 человек) наиболее видных хозяйственных руководителей и специалистов (заместителей наркомов, руководителей главков, директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности, деятелей науки). Это заметно повысило уровень обсуждения экономических проблем.

Динамика взглядов представителей директорского корпуса и управленцев из экономических наркоматов в 1931–1936 гг. очевидна: от осуждения «штурмовых» методов работы, признания неэффективности движения «ударных бригад» и бессмысленности гонений на специалистов до понимания принципиальной недопустимости выпуска некачественной продукции и согласие на сокращение объемов производства ради выхода на установленные стандарты качества. Вершиной этой эволюции стал призыв к планированию не по валовой продукции, а по товарной; тезис о необходимости ориентира на качественные индикаторы, в частности величину себестоимости и фондоотдачи. Динамика представлений хозяйственников за 1931–1936 гг. позволила преодолеть радикальные взгляды, связанные с «великим переломом» (отрицание роли товарно-денежных отношений, уравнительные формы оплаты труда).

Требования и рекомендации хозяйственников были поддержаны рядом членов политбюро ЦК ВКП(б), руководством хозяйственных наркоматов, а в июне 1931 г. и Сталиным. Это привело к изменению содержания экономического курса – введению системы оплаты труда рабочих, предполагавшую активизацию материальных стимулов и отказ от уравнительных форм заработной платы в пользу сдельщины; к постановлениям политбюро июля 1931 г., которые существенно улучшали положение специалистов; к курсу на бездотационную работу предприятий; к принятию Программы обязательной последовательной технической учебы рабочих.

Определенным водоразделом экономического курса 1931–1935 гг. стало появление стахановского движения в августе 1935 г. и связанных с ним надежд Сталина как на уникальное

⁵⁵ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г. М.; Л., 1931; Всесоюзное совещание хозяйственников 22–23 июня 1931 г. в ЦК ВКП(б); Совещание руководящих работников тяжелой промышленности 20–22 сентября 1934 г. М.; Л., 1935; Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности Союза ССР. Первый пленум. М.; Л., 1935; Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М.; Л., 1936.

⁵⁶ См., например: *Фелдман М.А.* К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

средство решения проблем индустриализации, как гарантию взлета количественных и качественных показателей производства промышленной продукции в стране. Неприятие такой позиции со стороны хозяйственников на советах при народном комиссаре тяжелой промышленности в 1935–1936 гг. превращало «красных командиров производства» в людей, способных критически оценивать советскую действительность. Это противоречило убеждениям Сталина о роли партии и его личной власти.

Особое раздражение партийных лидеров вызывали пожелания представителей директорского корпуса легализовать использование «черного» рынка для преодоления хронических разрывов хозяйственных связей и дефицита в условиях, когда предприятия в силу ограниченности возможностей централизованной системы снабжения добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», получая часть товаров «в обмен» или после специального заказа на их изготовление⁵⁷. По аргументированному наблюдению О.В. Хлевнюка, с начала 1930-х годов масштаб применения хозяйственниками договорных связей позволяет говорить о функционировании параллельной экономики, о переплетении плановой государственной и «теневого» экономик⁵⁸.

Всесоюзные совещания хозяйственников, анализируя управленческий опыт директорского корпуса первых пятилеток, способствовали выработке рациональной, опирающейся на научные знания тенденции экономического курса советского государства. Относительно сбалансированная экономическая политика 1933–1936 гг. содействовала достижению значительных позитивных результатов: «размораживанию» строительных объектов, вводу в строй производственных мощностей; выдвижения задачи бездотационной работы предприятий; снижению текучести кадров; выполнению основных производственных заданий второй пятилетки. В экономическом отношении 1934–1936 гг. стали одним из наиболее успешных периодов предвоенных пятилеток⁵⁹ – и в этом была немалая роль участников всесоюзных совещаний хозяйственников, членов Совета при наркомате тяжелой промышленности.

* * *

Если феномен всесоюзных совещаний хозяйственников указывал на невозможность авторитарного режима осуществлять индустриальный проект без опоры на специалистов, то развитие рациональных начал в деятельности директорского корпуса наталкивалось на догмы и мифы советской идеологии и пропаганды. При возростающей зависимости судьбы конкретных управленцев от власти Сталина анализ материалов партийных форумов 1930–1935 гг. свидетельствует о поддержке «цекистами» рационального курса регулирования экономики, что не позволяет рассматривать съезды, конференции, пленумы ЦК ВКП(б) как формальные институты.

Вместе с тем очевидна и необходимость более углубленного изучения архивных материалов партийных форумов, всесоюзных совещаний хозяйственников этого периода для более полного понимания функционирования советского общества.

Библиография

- Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976.
Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.
Грегори П. Политическая экономика социализма. 2-е изд. М., 2008.
Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.
Ильяхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

⁵⁷ Мерль Ш. Указ. соч. С. 316–317.

⁵⁸ Хлевнюк О.В. Толкачи. Параллельные стимулы в сталинской экономической системе // Cahiers du Monde Russe. 2018. Т. 59. № 2–3. С. 233–254.

⁵⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 156.

История социалистической экономики СССР. Т. 4. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1978.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). СПб., 2002.

Лельчук В.С. Индустриализация в СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 39–42.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011.

Сорокин А.К. Сталин. История одного правления, 1917–1953: в 2-х т. Кн. 1. Мы наш, мы новый мир построим. 1917–1939. М., 2023.

Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933. М., 1933.

Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016.

Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные лидеры в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–52.

Хлевнюк О.В. Толкачи. Параллельные стимулы в сталинской экономической системе // Cahiers du Monde Russe. 2018. Т. 59. № 2–3. С. 233–254.

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R., Khlevniuk O., Wheatcroft S. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

References

Davis R., Khlevnyuk O.V. Vtoraja pjatiletka: mehanizm smeny jekonomicheskogo kursa [The second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // Otechestvennaya istoriya [Fatherly history]. 1994. № 3. S. 92–108. (In Russ.)

Feldman M.A. K voprosu o stepeni vlijaniya hozjajstvennoj jelity na jekonomicheskij kurs Sovetskogo gosudarstva v gody Vtoroj pjatiletki [On the question of the degree of influence of the economic elite on the economic course of the Soviet state during the Second Five-year plan] // Gumanitarny'e nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2022. Т. 29. № 3. S. 85–91. (In Russ.)

Gregory P. Politicheskaja jekonomija socializma [The Political Economy of Socialism]. 2 ed. Moskva, 2008. (In Russ.)

Ilyukhov A.A. Kak platili bol'sheviki. Politika sovetsoj vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg. [How the Bolsheviks paid. The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR. Т. 4. Zavershenie socialisticheskogo preobrazovanijaj ekonomiki. Pobeda socializma v USSR [The history of the socialist economy of the USSR. Vol. 4. Completion of the socialist transformation of the economy. The victory of socialism in USSR]. 1933–1937. Moskva, 1978. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie reshenija (konec 1920-h – seredina 1930-h gg. [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid-1930s)]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Hozjain. Stalin i utverzhenie stalinskoj diktatury [Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Nomenklaturnaja revoljucija: regional'nye lidery v SSSR v 1936–1939 gg. [The Nomenclature Revolution: regional leaders in the USSR in 1936–1939] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2018. № 5. S. 36–52. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Politbjuro. Mehanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gg. [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja [Stalin. The life of one leader]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Tolkachi. Parallel'nye stimuly v stalinskoj jekonomicheskoj sisteme [Pushers. Parallel incentives in the Stalinist economic system] // *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Vol. 59. № 2–3. S. 233–254. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Industrializacija SSSR: istorija, opyt, problem [Industrialization of the USSR: history, experience, problems]. Moskva, 1984. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Industrializacija v SSSR i ee osveshhenie v sovetskoj istoriografii [Industrialization in the USSR and its coverage in Soviet historiography]. Moskva, 1975. (In Russ.)

Markevich A.V. Byla li sovetskaja jekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930s] // *E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. 2003. Moskva, 2004. S. 39–42. (In Russ.)

Maudsley E., White S. Sovetskaja jelita ot Lenina do Gorbacheva: Central'nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg. [The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members, 1917–1991]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Merle S. Sovetskaja jekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet Economy: modern assessments] // *E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. 2016–2017. Moskva, 2017. S. 303–349. (In Russ.)

Sorokin A.K. Stalin. Istorija odnogo pravlenija, 1917–1953: v 2-h t. Kn. 1. My nash, my novyj mir postroim [Stalin. The history of one government, 1917–1953: in 2 vols. Vol. 1. We are ours, we will build a new world]. 1917–1939. Moskva, 2023. (In Russ.)

Stalin I.V. Itogi pervoj pjatiletki. Doklad 7 janvarja 1933 g. na Obedinennom Plenumе CK i CKK VKP(b) 7–12 janvarja 1933 [Results of the first five-year plan. Report on January 7, 1933 at the Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU(b) on January 7–12, 1933]. Moskva, 1933. (In Russ.)

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabocheho klassa SSSR. 1917–1940 g. [The growth of the working class of the USSR. 1917–1940]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Vert N. Istorija sovetskogo gosudarstva [The history of the Soviet state]. 1900–1991. Moskva, 1992. (In Russ.)

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R., Khlevniuk O., Wheatcroft S. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.